МАРТА РОВЕНСКАЯ

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОМНИТ ТЕБЯ

18+

Марта Ровенская

Дом, который помнит тебя

«Автор»
2026

Ровенская М.

Дом, который помнит тебя / М. Ровенская — «Автор», 2026

В петербургском доме с мраморной лестницей, дубовыми панелями и белыми птицами над дверью сохранилось слишком многое. После смерти матери реставратор Анна Левина возвращается в её квартиру — и слышит за заделанным проёмом голос из прошлого.Каждый вечер в двадцать две семнадцать дверь открывается в ноябрь 2004 года. В соседней столовой ещё жива Нина Сизова. Молодой оперативник Михаил Карелин ищет поддельные подписи в документах на выкуп исторических квартир. Через несколько дней Нину убьют, а Михаил признает вину.У Анны есть сорок три минуты в сутки, чтобы найти скрытый проход, вернуть исчезнувшую свидетельницу и понять, кому принадлежит дом — по бумагам и на самом деле. Но на старой фотографии она уже стоит у Нининого окна. Чем ближе ночь убийства, тем труднее ей понять, что ещё можно изменить — и как уйти из комнаты, в которой её ждут.

© Ровенская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Квартира с ключом 5
Глава 2 Чужой чай 9
Глава 3 Признание 12
Глава 4 Сорок три минуты 16
Глава 5 Удобный человек 19
Глава 6 Нина Аркадьевна 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Дом, который помнит тебя

Глава 1 Квартира с ключом

На третьем этаже Анна остановилась перевести дыхание. Широкая мраморная лестница кончалась площадкой с высоким окном; в чёрном переплёте ещё держались два лиловых стекла. Под ногами шла по белому камню тёмная прожилка. В детстве Анна старалась не наступать на неё до самой двери.

Над дверью сохранились лепные птицы, обращённые друг к другу. Одна потеряла кончик клюва. Мать каждый год просила управляющую компанию его восстановить, а потом сама же пугалась, что мастера сделают хуже.

Ключ пришлось повернуть дважды, а потом приподнять дверь за ручку. Мать собиралась вызвать столяра ещё в прошлом году.

Анна вошла, не включая свет. У окна темнела сушилка, на подоконнике стоял пакет из аптеки. Всё это она видела двенадцать дней назад, когда приезжала забрать документы для больницы. Тогда ей показалось неприличным смотреть, что лежит в пакете. Теперь заглянуть было можно, но она всё равно не подошла.

Она поставила сумку на табуретку. Сняла сапоги, вытащила из одного скомканный чек. В кармане зазвонил телефон.

— Доехала? — спросила Даша.

— Да.

— Поела?

— Даш.

— Это вопрос с вариантами ответа. Да, нет, забыла, что люди едят.

— Нет.

— В холодильнике не трогай ничего. Я серьёзно.

Анна посмотрела на холодильник. Мать прикрепляла к нему резинкой записки, хотя для этого существовали магниты. Из-под зелёной резинки торчал клочок с телефонным номером. Внизу маленькими буквами было написано: «Не берёт после шести».

— Ты завтра ко мне придёшь?

Даша сразу перестала спрашивать про еду.

— К десяти. Даже раньше. Что купить?

— Что-нибудь, что не надо готовить.

После разговора Анна ещё постояла в прихожей. Потом включила свет.

Паркет был натёрт, как всегда перед её приездом. Под потолком тянулся лепной карниз; в углу стояла белая изразцовая печь, давно отключённая, с выпуклым лавровым венком над топкой. Вера Андреевна сама протирала её мягкой тряпкой, сердясь на каждую пылинку. У окна оставался светлый прямоугольник: в августе отсюда вывезли низкий диван. На самом деле матери стало трудно с него вставать, но она сказала, что хочет освободить место.

Анна посмотрела на пустоту между печью и креслом. Комната была красива. Сейчас это казалось почти бестактным.

Анна работала реставратором и умела по пятнам на стене угадывать, как жило помещение. Вот потемнение от батареи. Вот след рамки. Здесь долго прижимали к стене подушку. В чужих домах это было полезное умение. В материнской квартире оно мешало.

Она открыла форточку. С Глухого переулка потянуло мокрой листвой, хотя деревьев под окнами почти не осталось. За стеной пробежала вода. Кажется, кто-то принимал душ.

Соседняя квартира пустовала. Она числилась за фирмой, обещавшей восстановить анфиладу третьего этажа. Анна помнила, как комнаты сдавали по отдельности; прежних жильцов

давно не было. Три года назад жильцы съехали и закрыли ставни; с тех пор мать видела за окнами только полосатые чехлы на мебели. Изредка приходил смотритель, проверял отопление и уходил. На вопросы отвечали, что работы согласовываются.

Когда-то обе квартиры принадлежали одному хозяину. Столовая, гостиная, кабинет, маленькая спальня с окном во двор — комнаты были нанизаны на прямую линию дверей. Потом их разделили, но высокие проёмы остались. В некоторых поставили шкафы, другие заделали. В детстве Анна думала, что за каждым таким прямоугольником лежит ещё одна квартира.

В дверь позвонили.

На площадке стоял Борис Павлович Рогов. Он держал пакет с двумя контейнерами и зонт в чехле, из которого капало на пол.

— Анна. Соболезную ещё раз.

Он произнёс это без нажима, как человек, знающий, сколько раз она уже слышала эти слова.

— Спасибо.

— Свет увидел. Вы ведь надолго?

— Пока не знаю.

Рогов протянул пакет.

— Жена передала. Котлеты, пюре. Греть две минуты, крышку только снимите, а то расплавится. Не возвращайте, у нас этих коробок.

Анна взяла пакет. Борис Павлович оглядел прихожую, задержав взгляд на тяжёлом платяном шкафу. Тот стоял поперёк короткого коридора, почти упираясь задней стенкой в простенок.

— С этой махиной помочь? Найду ребят.

— Пока пусть стоит.

— Вам решать. Только с той стороны отделка ценная. Я Вере Андреевне говорил: прежде чем что-то двигать, надо специалиста позвать.

Он поправил чехол на зонте. Правый большой палец был плоский, будто его когда-то придавили, ноготь разделяла глубокая борозда.

— Квартира-то в цене, — сказал он. — Сейчас район хороший. Если надумаете продавать, не торопитесь с агентами. Они на таких обстоятельствах любят руки погреть.

— Я не собираюсь продавать.

— Ну и правильно. Обживайтесь. Если что, мой номер на стенде.

Он ушёл вниз, аккуратно обходя лужицы от собственного зонта.

Анна разогрела котлету и съела её стоя. Потом вымыла тарелку, хотя тарелка была одноразовая. Мать бы посмеялась. Не над ней — рядом с ней, занятая чем-нибудь своим.

В секретере ждали бумаги. Анна разбирала их до девяти: свидетельство, выписки, квитанции, инструкции к вещам, которых давно не было. Мать сохраняла гарантию на чайник, сгоревший в две тысячи двенадцатом, и не сохранила ни одного снимка, где была бы довольна собой.

В нижнем ящике лежал конверт без марки. «Ане», — написала мать. Нажим был слабый; последние месяцы ей трудно было держать ручку.

Анна села прежде, чем вскрыть конверт.

Внутри оказалось три листа. На первом — перечень людей, которым следовало позвонить, чтобы отключить услуги. На втором — банковские сведения. На третьем всего несколько строк.

«Шкаф можно разобрать. Только стену за ним не трогай. Там старый проход. Строители могут сказать что угодно, но я прошу тебя оставить его как есть. Не потому что обрушится».

Под последней фразой мать провела две неровные черты.

Дальше было написано: «С птицами ничего не делай».

Про птиц она помнила. После возвращения из Купчина, когда ей было шестнадцать, в коридоре меняли проводку. Рабочий сбил кусок штукатурки, и под зелёной краской обнаружился белый хвост. Анна решила, что это павлин. Мать сказала: цапля. Потом зачем-то сама закрасила находку.

Она поднесла лист к лампе. Мать берегла вещи, доставшиеся от тётки: ореховый секретер, два кресла с одинаково вытертыми подлокотниками, зеркало в потемневшей раме. Но разговоров о красоте не любила. Когда Анна заводила их, просила лучше посмотреть, почему течёт кран. Про птиц она за все годы не сказала ни слова. Почему их понадобилось сначала закрасить, а потом так настойчиво сохранять?

Шкаф разобрать всё равно придётся. Он закрывал половину прохода. Верхняя петля давно ослабла, и резная створка держалась только на нижней. Анна подошла и осторожно потянула его за боковину. Внутри что-то звякнуло. На полу показалась полоска пыли и мелкая синяя бусина.

Бусину она узнала. Их пришивали к воротнику её детского пальто. Синий цвет мать называла чернильным.

За шкафом пахло известью. Анна посветила телефоном. Между фанерой и стеной оставалось сантиметров десять. У края старой заделки, где над красочным слоем приподнялась тонкая чешуйка, белело что-то узкое. Шея птицы.

Она хотела провести пальцем по краю отслоения, но вспомнила письмо и отдёрнула руку.

В десять решила лечь. В бывшем кабинете разложила маленький диван, на котором спала, когда приезжала к матери. Принесла из шкафа чистое бельё, выпила воду из чашки. Уснула бы, наверное, если бы не звук.

В соседней квартире заплакала женщина.

Плач был негромкий, прерывистый, с длинными паузами. Так плачут, когда стараются, чтобы никто не слышал. Анна села. Прислушалась к воде в трубах. Вода давно стихла.

Потом женщина сказала:

— Аню сюда не пускай.

Анна нашла тапки и пошла в прихожую.

На площадке светились два бра. За чёрными прутьями перил уходили вниз светлые марши, и снизу было видно расписной потолок вестибюля. Дверь в двадцать шестую была опечатана: обычная бумажная полоска с выцветшей подписью поперёк резного дуба. Между ручкой и косяком застрял почтовый буклет. Анна вытащила его, сама не понимая зачем. Внутри никто не двигался.

Она постучала. Сначала костяшками, потом ладонью.

— У вас всё нормально?

Напротив щёлкнул замок. Высунулась Валентина Степановна, маленькая, в огромной вязаной кофте.

— Анечка? Ты чего?

— Там кто-то есть.

Соседка посмотрела на опечатанную дверь.

— Показалось.

— Я слышала.

— От труб. В этом доме от труб чего только не услышишь.

Но лицо у неё изменилось. Она держалась за косяк обеими руками.

— Не надо там стоять, — сказала она. — Холодно. Иди домой.

Анна вернулась в квартиру. На телефоне было двадцать две семнадцать. Чуть выше на экране светилось непрочитанное сообщение Даши: «Про холодильник я не шутила».

За шкафом скрипнула половица.

Там не могло быть половиц. Между шкафом и стеной едва помещалась ладонь.

Глава 2 Чужой чай

Утром Даша принесла хлеб, сыр, яблоки и два бумажных стакана кофе. Один протекал. Пока она искала блюдце, Анна рассказала про голос.

— Сигнализация с речевым оповещением? — предположила Даша.

— Она называла меня.

— В городе, кроме тебя, ещё есть Ани. У меня в отделе три. Одна сегодня уволиться обещала.

Даша работала в небольшом фотоархиве. Недавно полдня искала автора снимка, пока не выяснила, что заказчик прислал ей кадр из фильма. С тех пор первым делом спрашивала, откуда взялась находка. Она не стала произносить ни слова про похороны, усталость или бессонницу. За это Анна была ей благодарна.

Вместе они опустошили шкаф. Полки лежали на деревянных опорах, боковины соединялись старыми клиньями. Только сзади, куда обычно не смотрят, кто-то добавил три разных шурупа. Шкаф достался матери вместе с квартирой. На внутренней стороне цоколя Анна нашла столярную метку и сняла её отдельно.

— Такое только с квартирой передавать, — сказала Даша, вытащив очередной шуруп. — Отдельно не поднимется.

К четырём шкаф лежал на полу ровными тёмными досками. На стене открылась неровная плоскость с широким прямоугольником по центру. Створку старой двери закрыли щитом, а поверх него нанесли штукатурку. Дубовый наличник сохранился: узкий валик, лист аканта, ещё один валик. Над перемычкой открылась пара белых птиц с длинными шеями среди тёмных стеблей. По краям фриза ещё держалась поздняя зелёная краска.

Роспись была тоньше и старше, чем Анна помнила. Начало прошлого века, подумала она. Художник точно знал устройство птичьей ноги, но там, где стебли подходили к раме, позволил себе несколько вольных длинных мазков.

У одной птицы чёрной краской был прописан глаз. Она смотрела прямо в комнату.

Анна сделала фотографии. Поставила рядом масштабную линейку, сняла общий план и повреждения. Так было легче думать: сохранность удовлетворительная, поздние красочные слои, локальные отслоения по границе заделки.

— Мать просила не трогать, — сказала она.

Даша прочитала письмо. Вернула молча.

— Тогда сегодня не трогай. Завтра решишь.

Перед уходом она заглянула в холодильник и выбросила полбанки сметаны. Анна не возражала.

Вечером пошёл дождь. Она работала за кухонным столом над отчётом по другому объекту, перечитывала одну строчку и не могла понять, к чему относится слово «поздний». Наконец закрыла ноутбук.

В коридоре тянуло сквозняком.

На месте прямоугольника темнела дверь. Не провал, не трещина в штукатурке. Настоящая деревянная дверь. Узкая, высокая, с четырьмя филёнками и латунной ручкой, которую когда-то чистили слишком усердно: в углублениях оставался белёсый порошок.

Анна подошла на негнущихся ногах. Прислонила ладонь к филёнке. Дерево было прохладное; над краем рамы пальцы ощутили ровную, многократно протёртую воском поверхность. С той стороны слышалось радио. Мужской голос говорил о пробках на Литейном.

Ручка опустилась сама.

— Ну наконец-то, — донёсся из кухни молодой женский голос. — Тебя только за смертью посылать.

Потом в дверях появился мужчина. На нём был серый свитер; на переносице розовела вмятина от очков. Он держал кружку с отбитым краем.

— А вы кто?

Анна не ответила. За его плечом стоял круглый ореховый стол. Над ним висела люстра с матовыми стеклянными чашами; один плафон отличался от остальных, и Анна почему-то сразу это заметила. В глубине поблёскивала застеклённая дверца высокого буфета. На боковой стенке буфета висел календарь с собакой. Сверху крупно: «2004».

— Вам плохо? — спросил мужчина.

Она оглянулась. Позади был её коридор, разобранный шкаф и сумка Даши, которую та опять забыла.

— Нина Аркадьевна! — позвал мужчина. — Тут к вам.

— Это я, Катя, — ответила девушка из кухни. — Нина в магазин ушла.

Мужчина нахмурился.

— Я думал, она вернулась. Вы не от покупателей? По объединению квартир?

— Нет.

— Тогда зачем идёте через старую дверь?

Анна отступила. Под пяткой хрустнул кусочек штукатурки.

Мужчина поставил кружку на пол и быстро взял её за запястье. Не больно, но так, чтобы остановить.

— Послушайте. Вы из какой квартиры?

От его руки шло тепло. Это почему-то оказалось страшнее всего.

— Из двадцать седьмой.

— Там Вера с девочкой.

— Я знаю.

— Вы к ним?

Анна посмотрела на календарь. На собаке было бумажное кольцо, перевёрнутое на девятую дату. Мужчина проследил её взгляд.

— Что?

— Какой сегодня год?

Он отпустил её руку.

— Сядьте.

Она почему-то послушалась. Прошла мимо него в комнату. В углу стояла высокая изразцовая печь с синими цветами по белой глазури. Цветок над топкой когда-то треснул пополам, но обе половинки аккуратно сохранили. На стенах темнели дубовые панели; над ними шла ещё одна полоса птиц и камыша. Комната была больше, чем представлялось с её стороны стены. Даже настольная лампа не доставала до всех углов. На подоконнике лежали груши, каждая в смятом бумажном кульке. Мать тоже разворачивала их после рынка и раскладывала у окна, чтобы не помялись.

Мужчина налил воды в другую кружку. Розовую, с надписью «Ниночке».

— Меня Михаил зовут. Вы как?

— Анна.

Он ещё раз посмотрел на дверь.

— Телефон есть? Родным позвонить.

Она достала свой. Экран загорелся. Девятое ноября две тысячи двадцать шестого года, двадцать два тридцать одна.

Михаил взял телефон неуверенно, двумя пальцами за края.

— Это что?

— Телефон.

— Вижу, что не хлебница.

Он попробовал нажать на боковую грань. Анна отобрала аппарат.

— Какой сегодня год? Скажите нормально.

— Две тысячи четвёртый. Девятое ноября. Вы выпили что-нибудь?

Она встала так резко, что стул отъехал. В голове было совершенно пусто. Чёрный глаз птицы над дверью смотрел на неё из-под лепного карниза. Здесь, на Нининой стороне проёма, была своя пара цапель. Стебли шли в другую сторону, и правая птица держала клюв ниже. Художник повторил мотив, но не рисунок в точности.

У кровати лежала газета. Анна схватила её. Девятое ноября. Объявления о покупке валюты, фотография человека, которого она привыкла видеть старым. Бумага не была пожелтевшей. Типографская краска немного пачкала пальцы.

— Мне надо домой.

Михаил поднял руки.

— Идите. Я вас не держу.

Она вышла. Обернулась. Он стоял у стола и смотрел ей вслед с обычным человеческим недоумением. На улице за его окном проехала машина с громкой музыкой. Такая музыка была популярна, когда Анна училась в школе.

У себя в коридоре она села на пол. Прижала к коленям газету.

Телефон показывал двадцать два сорок четыре. Она набрала Дашу, но не нажала вызов. Что сказать? Что в её квартире поселился две тысячи четвёртый год?

Анна сфотографировала газету у себя на коленях. Потом поднялась и вернулась к открытому проёму. На столе в чужой комнате лежала тёмная тетрадь с узкой красной закладкой. Лента свешивалась с края столешницы; её трогал воздух из Аннинога коридора. Анна навела камеру через дверь. На экране получилась тёмная деревянная створка и угол комнаты. Мужчина отошёл, в кадр не попал. Она всё равно сохранила снимок.

В двадцать три раздался сухой щелчок.

Дверь исчезла. На её месте осталась заштукатуренная стена с двумя птицами.

Анна вскочила, ткнула в неё ладонью. Известь осыпалась на пол. Она постучала костяшками: глухой каменный звук. С той стороны никто не ответил.

На полу рядом с тапком лежала кружка с надписью «Ниночке». Она взяла её с собой, не заметив.

Вода в кружке ещё не остыла.

Глава 3 Признание

Даша долго крутила кружку в руках.

— Такую можно купить на блошке.

— Можно.

— И газету можно.

— Можно.

— А вот пугаться до трясучки из-за кружки сложнее.

Она поставила её обратно. Анна за ночь почти не спала. В шесть утра пыталась отодрать краску в нижнем углу стены и остановилась, когда поняла, что сдирает вместе с ней роспись. На костяшке пальца запеклась кровь.

— Ты мне не веришь.

— Я тебе верю. А тому, что ты объясняешь, пока не очень. Понимаешь разницу?

Даша потрогала стену, проверила фонариком стык с потолком и попросила показать снимок. На фотографии была дверь. Угол полированного стола, край высокого окна. Календарь не попал.

— Имя он назвал?

— Михаил. А женщина — Нина Аркадьевна.

— Кто жил в двадцать шестой, кроме Нины, помнишь?

— Лица помню. Имена путаются.

В детстве у Нины всегда кто-то появлялся и пропадал: ученики из чертёжной мастерской, заказчики, соседка с вязаньем. Анна помнила чайник с чёрным носиком, девушку с длинной косой, кошку, которую не разрешали гладить. Молодого милиционера тоже помнила: он однажды чинил дверной звонок, пока она приставала с вопросами про пистолет. Имени в памяти не осталось. Вчерашнего гостя она с ним не связала: у того на фотографии в её голове были форменная рубашка и чужой взрослый голос. Из их квартиры к Нине можно было пройти через внутреннюю дверь; по лестнице ходили только чужие. Весной две тысячи пятого они с матерью переехали в Купчино. Сюда вернулись в две тысячи девятом, когда закончили разбираться с документами на разделённую анфиладу.

Квартира досталась Вере от тётки. Бабушкина сестра была музейным смотрителем и считала, что старую мебель выбрасывают только люди, не умеющие её чинить. Мать повторяла это с насмешкой, но ни одного кресла не выбросила.

— Давай начнём с обычного, — сказала Даша. — Адрес. Год. Имя. Если что-то найдём, дальше подумаем.

В архиве она задержалась после работы. Анна ждала в кафе напротив, пила безвкусный чай и смотрела, как девушка за соседним столом правит резюме. На экране у той было написано: «Умею работать в условиях неопределённости».

Даша пришла без шапки, хотя утром была в шапке. Села, не снимая пальто.

— Нина Аркадьевна Сизова. Сорок три года. Убита в ноябре две тысячи четвёртого. В вашем доме.

Она положила на стол распечатку старой газетной заметки. Три коротких абзаца и чёрно-белая фотография подъезда. Заголовок был дурацкий, с игрой слов про служебный долг.

— Я сначала не поняла, почему адрес знакомый, — продолжила Даша. — У нас есть съёмка двора. По другому заказу, девяносто восьмой год. А это в газетной подшивке.

Анна читала. Женщину обнаружили утром семнадцатого ноября. В убийстве подозревался сотрудник уголовного розыска. Он находился в квартире по делу о пропаже документов. Позднее дал признательные показания.

— Карелин, — сказала Анна вслух.

— Да. Михаил Андреевич.

Имя было напечатано ниже. Даша подвинула второй лист.

На фотографии Михаил стоял возле милицейской машины. Не та вмятина на переносице, зато тот же неровный край брови. Анна вчера видела эту бровь вблизи, пока он держал её за запястье.

В кружке на столе дрогнул чай.

— Нашла приговор? — спросила она.

— В открытом доступе нет. Есть заметка о суде. Девятнадцать лет. Пишут, что признал вину полностью.

Официант принёс счёт. Даша накрыла распечатки ладонью, чтобы он не поставил на них блюдце.

— Посмотри на меня, — попросила она. — Ты с ним больше не остаёшься одна.

— Он дал мне воды.

— Воду дают самые разные люди.

Анна сложила листы. Бумага громко шуршала в тихом кафе.

— Я не могу объяснить, что происходит.

— Поэтому и нельзя принимать первое объяснение, которое хоть как-то складывается. Завтра я попрошу Егора посмотреть, что вообще можно узнать по старому делу. Он адвокат, не волшебник, сразу предупреждаю.

— Хорошо.

— И сегодня я останусь у тебя.

Анна хотела отказаться, но не смогла. Они купили готовый суп, батарейки и маленький штатив для телефона. Даша настаивала, что снимать надо общим планом. Обе делали вид, что заняты обычной технической задачей.

В квартире пахло деревом и холодным воздухом из открытой форточки. На стене белели птицы. Даша придвинула к ней стул, разложила распечатки на столе и села ждать.

В двадцать два семнадцать Анна увидела тёмные филёнки.

— Есть, — сказала она.

Даша смотрела на стену.

— Где?

Анна взялась за ручку.

— Аня, не надо.

За дверью стоял Михаил. На этот раз на нём была куртка. Он увидел её и перевёл взгляд на кружку в её руке.

— Нина всю квартиру обыскала. Я сказал, что разбил. Она меня чуть не убила.

Анна машинально отдала кружку.

— Вы Михаил Карелин?

Он перестал улыбаться.

— Да.

— Вы работаете в уголовном розыске?

— Допустим.

Сзади Даша произнесла её имя. Анна слышала подругу, но будто из другой комнаты. Михаил, кажется, не слышал вовсе.

— Я знаю, что случится с Ниной Сизовой.

Он перехватил кружку за ручку. На столе у него лежал блокнот, раскрытый на странице с планом этажа.

— Откуда?

Анна протянула распечатку. Он прочитал первые строчки, потом всё до конца. Долго смотрел на свою фотографию. Бумагу держал ровно.

— Это угроза?

— Нет.

— Кто вас прислал?

— Никто.

Он отложил лист и прикрыл за ней дверь. Анна успела оглянуться. За дверью оставалась Даша — с открытым ртом, протянутой рукой и стулом, нелепо поставленным посреди коридора.

— Откройте, — сказала Анна.

— Она открывается. Сядьте. И объясните, откуда у вас сведения по делу, которого ещё нет.

Анна достала телефон и включила камеру. Показала ему его лицо на экране. Михаил помолчал.

— Хорошая штука, — сказал наконец. — Только чего-то вы на двадцать лет вперёд не очень счастливые.

Он сел напротив. Взгляд у него стал усталый и внимательный.

— Давайте по порядку. Сначала ваше имя. Полностью.

— Анна Павловна Левина.

Михаил медленно повернул голову к стене за её плечом.

— Вера Андреевна вам кто?

— Мать.

— Аня сейчас спит. Ей в школу утром.

Он говорил тихо, почти ласково, и от этого Анне стало совсем плохо.

— Я знаю, — ответила она. — В пятом классе первая смена.

Глава 4 Сорок три минуты

Михаил попросил показать паспорт. Анна нашла его в сумке, которую всё ещё держала на плече. Он прочитал дату рождения, посмотрел на лицо, потом на фотографию. Проверил водяной знак.

— Я не специалист, — сказал он. — Но сделано неплохо.

— А что мне нужно сделать, чтобы вы поверили?

— Скажите, что произошло с Ниной.

— В газете только то, что вы видели. Убита. Нашли семнадцатого. Вы признались.

— Семнадцатого ноября?

— Да.

Он придвинул блокнот. Записал дату. Руки у него были сухие, с короткими ногтями; на левой ладони заживал порез.

— А сейчас десятое, — произнёс он. — Значит, неделя.

Анна вдруг поняла, что он поверил. Не во всё, не обязательно в год на паспорте. В опасность, которая грозит живому человеку за соседней стеной.

— Почему вы здесь?

— Сизова обратилась по поводу документов. Потом сказала, что погорячилась. Я люблю выяснять, почему люди внезапно перестают горячиться.

— Каких документов?

— По продаже квартир. Покупатели хотят собрать весь этаж: столовую, гостиную, бывшую библиотеку. Говорят, вернут первоначальный вид. У Сизовой есть знакомый, который готовит для них бумаги. Она считает, что там подделывают подписи. Говорит одно, через час другое. Я зашёл поговорить. Она ушла в магазин, мне велела ждать.

Он провёл ладонью по волосам, пригладил торчащую прядь.

— Может, к знакомой ушла. Она меня второй вечер маринует.

— Знакомого зовут Рогов?

Михаил посмотрел на неё внимательнее.

— Кто вам сказал?

— Он живёт в нашем доме. Сейчас тоже. Председатель.

— Не удивлён.

За стеной закашляли. Коротко, сердито. Анна дёрнулась: так кашляла мать, когда ей хотелось прогнать человека с кухни.

— Вы говорили, что ничего не принимали, — напомнил Михаил. — Я тоже ничего не принимал. Давайте считать, что мы оба пока в себе. Вот план. Вы в таких вещах разбираетесь?

Она села ближе.

План был нарисован от руки на миллиметровке. Михаил переписал размеры, которые Нина назвала по памяти. Бывшая столовая, квадратный выступ печи, узкая полоса за дубовыми панелями. В левом верхнем углу стояла шестёрка.

— Это не номер квартиры, — пояснил Михаил. — Старая нумерация помещений. Комната шесть. Нина велела не путать: в бумагах у неё именно так.

— Тут между стенами что-то не сходится, — сказала Анна. — Вы от чего мерили?

Михаил показал две отметки: внутреннюю плоскость дворовой стены и торец поперечной капитальной перегородки. В Верином коридоре между ними выходило шесть метров восемнадцать сантиметров. В столовой, по той же линии, — пять восемнадцать.

— Метр, — сказала Анна. — Не толщина всех стен сразу. Вот от этой плоскости до этой. Две параллельные линии.

Он протянул складную линейку. Сам повторил замер в Верином коридоре. Анна взяла у него линейку и ещё раз прошла вдоль стены столовой, от того же оконного откоса. Оба числа совпали с записями.

На старой схеме разница делилась на три части: одиннадцать сантиметров перегородки, семьдесят восемь прохода, ещё одиннадцать обшивки. Метр получался ровно.

— Если внутри действительно галерея, там можно пройти боком, — сказала Анна. — Но по одной линейке я этого не подпишу. Нужен исходный обмер.

— Вы художник? — спросил он.

— Реставратор.

— Нина сама всё это бережёт, — сказал он. — Ей предлагают доплатить, если разрешит панели снять.

— Зачем?

— Уверяют, что для реставрации. Она спросила, почему их тогда в документах больше нет.

Буфет стоял у дальней стены, слева от синей изразцовой печи. За его боковиной Анна постучала по дубовой панели. Звук оказался коротким и пустым. В соседней филёнке, где проступала кирпичная кладка, дерево отзывалось иначе.

— Похоже на служебную галерею, — сказала она. — Параллельно парадным комнатам. Здесь из кухни носили блюда, чтобы не идти через гостиную. Потом этаж разделили, входы закрыли. Но это надо проверить по старым чертежам.

Она обвела пальцем линию панелей. Ритм филёнок был почти ровный. Почти: у самого буфета один вертикальный шов повторялся дважды, на расстоянии ладони. Если не искать, его можно было принять за часть резьбы.

— Отсюда куда пройти можно?

— По схеме — к чёрной лестнице. Справа за стеной ещё Верин коридор и кладовая. Надо понять, что с чем соединялось и что заделали потом.

Михаил обвёл на схеме маленький прямоугольник.

— У Сизовой на новом плане этой штуки нет. Я подумал, она от волнения ошибается.

Кашель повторился. Потом за стеной раздался знакомый голос:

— Миша, если вы там курите, хоть форточку откройте. Ребёнок спит.

Он ответил, что не курит. Анна вцепилась в линейку.

Мать была в двух шагах. Не лежала в больнице, не мучилась, пытаясь вдохнуть через маску. Сердилась на дым, которого не было. Анна шагнула к дверям.

Михаил встал перед ней.

— Не надо сейчас.

— Вы не понимаете.

— Наверняка. Но там женщина с ребёнком. Они про ваш паспорт ничего не знают. Хотите к ним ворваться с этим?

Анна могла обойти его. Но мать снова кашлянула, уже в своей кухне, и Анна не двинулась.

Анна выдохнула и вернула ему линейку.

На телефоне было двадцать два пятьдесят четыре.

— Мне надо уходить. В одиннадцать дверь пропадает.

Михаил не переспросил. Только поднял с пола её сумку.

— Завтра придёте?

— Если она будет.

— Тогда я попробую достать нормальный план. И поговорю с Ниной без вас. Так ей спокойнее.

Он проводил её до порога. С той стороны Даша сидела прямо на полу. Увидев Анну, выругалась одним коротким словом, которым обычно обозначала сломанный принтер.

Михаил Дашу, по-видимому, не видел. Он спросил, с кем Анна говорит. Она не успела ответить: он прикрыл дверь.

— Ты исчезла, — сказала Даша. — Просто перестала стоять. На записи то же самое. Я думала, у меня инсульт.

— У нас у обеих?

Даша заплакала. Почти беззвучно, зло, вытирая лицо рукавом. Анна обняла её, и они так сидели, пока над головой не скрипнула штукатурка.

В двадцать три стены снова стали ровными.

— Сорок три минуты, — сказала Даша. — С двадцати двух семнадцати. Я засекла.

Они долго молчали. Потом Даша поднялась и пошла ставить чайник. Чай в этой квартире за последние сутки пили чаще, чем за весь прошлый месяц.

— Он убийца, Ань.

— Он ещё никого не убил.

— Пока.

Анна посмотрела на чайную ложку в своей ладони. Не её ложка. На черенке была выбита буква «Н». Она и её принесла, машинально забрав со стола.

— Нам надо узнать, что произошло, — сказала она.

Даша поставила перед ней чашку.

— Нам надо узнать, что произошло, — повторила она. — Это я поддерживаю. Только ты мне каждый раз говоришь, когда входишь. И когда выходишь. Даже если кажется, что я всё равно рядом.

Глава 5 Удобный человек

Борис Павлович появился утром, когда Анна выносила мусор. Забрал у неё тяжёлый пакет с ненужными фанерными щитами и сказал, что контейнер для крупного мусора стоит за аркой.

— Вы зачем одна тащите? Есть же люди.

Он был в рабочей куртке, в боковом кармане торчали рулетка и карандаш. Анна вдруг увидела его таким, каким он мог быть двадцать два года назад: быстрым, крепким, привыкшим первым предлагать решение.

— Вы давно в доме живёте? — спросила она.

— С девяносто первого. А вы меня, значит, не помните.

— Плохо.

— Ну вы маленькая были. Что я вам — дядька с бумажками.

Он улыбнулся, поднял пакет на плечо. На площадке кто-то оставил детский велосипед; Рогов повернул его рулём к стене, чтобы не мешал проходить.

Во дворе рабочие разбирали навес. Рогов окликнул одного, спросил, где его каска. Тот ответил что-то сердитое, но каску надел.

— Всё на нервах, — сказал Борис Павлович, возвращаясь. — Сроки, начальство, материалы. Не обращайте внимания.

— Вы занимались продажей помещений? Раньше?

Он вытер ладони о куртку.

— Технической частью. Обмеры, согласования. Здесь хотели вернуть историческую планировку. Не на словах, как теперь. Я людям раздельные входы согласовал, чтобы каждый мог своей квартирой распоряжаться. А что?

— Мамины бумаги разбираю.

— Старьё можно смело выкидывать. Если что понадобится, копии поднимем. Всё есть.

— А Нину Сизову вы помните?

Рогов замедлил шаг. Анна зацепилась носком за шов между плитами; кусочек подошвы отогнулся.

— Помню. Неприятная история.

— Вы с ней работали?

— Немного. Чертежи она делала. Хорошо делала, пока не начала пить. Извините, о покойных, конечно, так не говорят.

Вчера в Нининой комнате не было ни бутылок, ни запаха спиртного. Анна отметила это и тут же одёрнула себя: одна комната ничего не доказывала.

— И что произошло?

— Человек с пистолетом решил, что ему всё можно. А другой человек не смог вовремя промолчать. Вы в газете прочитали?

— Да.

— Лучше не читайте. Ваша мама очень переживала. Я бы и сейчас её пожалел.

Это было сказано мягко. Но Анне захотелось вернуться в подъезд и запереть дверь.

— Если стену будете освобождать, сначала меня позовите, — добавил он. — Там коммуникации. Сами не лезьте.

У Валентины Степановны пахло лекарством и печёными яблоками. Она открыла не сразу, а когда открыла, отступила, впуская Анну, будто ждала именно её.

— Ночью больше не слушала?

— Вы знали Нину Аркадьевну?

Соседка устало опустилась на табурет.

— А ты чего это за неё взялась?

— Нашла мамину записку. Про старый проход.

— У твоей мамы много было записок. Она мне список покупок всегда делала на две стороны. На одной мне, на другой себе. Потом путались.

Валентина Степановна говорила, разглядывая собственные руки. Кольцо на безымянном пальце было перемотано тонкой ниткой, чтобы не спадало.

— Вы знали, что за шкафом дверь?

— Тут везде двери были. До войны одни квартиры, после войны другие. Ничего необычного.

— А Карелин?

Она подняла глаза.

— Нормальный был парень. Вроде.

— Почему «вроде»?

— Потому что я Нину потом в гробу видела.

Анна села напротив. У соседки на столе лежали фотографии: дача, внук, незнакомый мужчина с рыбой. Между ними — карточка с общим снимком двора. Выгоревшая, с загнутым углом.

— Это когда?

— Когда телевизионщиков привозили. Две тысячи четвёртый, наверное. Дом снимать. Тогда как раз арку расчистили, маскароны из-под краски открылись.

На фотографии у подъезда стояли несколько человек. Вера была моложе, чем Анна её помнила: в пуховике с блестящими рукавами, с пакетом в руке. Рядом — маленькая Аня в синем пальто. Сзади Рогов объяснял что-то человеку с камерой. Правую руку держал в кармане.

— Можно снять?

— Снимай. Только саму не уноси.

Анна увеличила кадр на телефоне. В окне третьего этажа угадывалась чья-то фигура. Просто тёмная полоса, ничего определённого.

— Вы говорили, Борис Павлович помог маме с квартирой.

— Всем помог. Лифт согласовал — правда, так и не поставили. Крышу выбил. У меня батареи меняли, он сам принимал. Когда муж лёг, на своей машине возил.

Валентина Степановна подняла с пола салфетку, которой промокала яблоки.

— Это удобный человек, Аня. Без него всё надо делать самим.

— Удобный — значит хороший?

— Ты меня не учи, — тихо сказала соседка. — Я в твоём возрасте тоже умела спрашивать.

Анна извинилась. Валентина Степановна кивнула, но провожать не встала.

Во дворе ей позвонил Егор Завьялов. Голос был молодой и сонный. Даша предупредила, что он работает до ночи и не терпит разговоров про призвание.

— Мне передали, вас интересует старое уголовное дело. Вы родственница осуждённого?

— Нет.

— Потерпевшей?

— Тоже нет.

— Тогда начнём с того, что у нас законно есть. Газета, ваши воспоминания, документы матери. Номер дела попробуем установить. Полный архив вам никто просто так не выдаст.

— А самого Карелина найти можно?

— Можно попробовать. Но если найдём, разговаривать с ним или нет, решает он. Вы чего хотите в итоге?

Анна прошла через арку. По белому своду тянулись гипсовые листья; дальше, за стеклянной дверью вестибюля, мерцало большое зеркало. Издали оно удваивало лестницу, и каждый раз казалось, что в доме есть ещё один ход, которого она не знает.

— Проверить, виновен ли он.

— Есть основания сомневаться?

Она остановилась. Через двор Рогов нёс рабочим чай в термосе.

— Есть старый проход. Не понимаю, как он отражён в деле.

— Пришлите фотографии и размеры. Я посмотрю в субботу. Раньше у меня суд. И сразу: устно обсудить могу, запросы и поездки — уже работа. Вы с Дашей это понимаете?

— Понимаю. Назовите, сколько будет стоить первый этап.

Он назвал сумму. Анна мысленно вычла её из денег на ремонт, попросила прислать условия. Егор обещал сначала поговорить с самим Карелиным. Без его согласия за дело не возьмётся.

Глава 6 Нина Аркадьевна

Одиннадцатого ноября дверь открылась на запах жареного лука.

У стола стояла невысокая женщина в сиреневой кофте. Она смотрела на Анну без удивления, даже с некоторым раздражением.

— Вы та самая с кружкой?

— Простите.

— Да чего там прощать. Просто взяли и взяли. Только говорите. Она у меня одна такая.

Нина Сизова вытерла руки о полотенце. Светлые волосы были собраны заколкой на затылке. Ногти короткие, чистые, на среднем пальце правой руки большая мозоль от карандаша. Она жила, сердилась, берегла кружку. В газетной распечатке её жизнь умещалась в три абзаца. Анна не могла совместить эти две вещи.

Анна смотрела на неё слишком долго.

— Миша, — сказала Нина, не оборачиваясь, — ваша знакомая опять сейчас упадёт. Вы её кормите вообще?

Михаил вышел из кухни с тарелками.

— Мы недавно познакомились.

— И что? Картошки от этого меньше не станет.

Нина усадила Анну к столу и положила перед ней вилку. За стеной плакал ребёнок, но не маленькая Аня: у соседей на втором этаже был грудничок. Шум поднимался по вентиляции. Анна впервые заметила, сколько в комнате обычных звуков. Часы в буфете. Потрескивание паркета возле горячей трубы. Собака во дворе. Высокие стены не делали их торжественнее.

Из соседней гостиной виднелись овальное зеркало и кресло с резными лебедиными шеями вместо подлокотников. На спинку был наброшен Нинин рабочий халат, в кресле лежала грелка. Анна невольно улыбнулась: в чужом доме такая мебель показалась бы музейной.

Нина поставила сковороду на деревянную подставку.

— Вы реставратор. Миша сказал. У нас тут птицы. Я хотела отмыть, но мне сказали, сама не лезь. Я и не лезу.

— Вы правильно сделали.

— Люблю, когда хоть что-то правильно.

Она наложила картошку себе, Михаилу и Анне. Села. Подвинула к краю стола папку с завязками.

— Чертежи покажу после ужина. На жирном столе нельзя.

Анна попробовала картошку. Слишком солёная, с хорошо подгоревшим луком. Есть было трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.